

УДК 81'36

Соотношение морфологии и синтаксиса в репрезентации таксисных отношений

Керимов Керим Рамазанович

Доктор филологических наук, профессор,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Дагестанского государственного университета,
367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а,
e-mail: kerimk@mail.ru

Аннотация

Предметом обсуждения в статье являются параметры категории таксиса лезгинского языка в типологической перспективе. На основе сопоставления таксисных конструкций аргументируется так называемая широкая трактовка семантики таксиса, объединяющая признаки временных отношений и отношений обусловленности. Полученные в статье наблюдения представляют интерес для типологии грамматических категорий, а также для разработки теоретических и учебных грамматик лезгинского и других дагестанских языков.

Ключевые слова

Таксис, типология, семантический инвариант, алломорфизм.

Введение

Целостная экспликация теории таксиса на материале русского языка в книге «Теория функциональной грамматики: Аспектуальность. Временная

локализованность. Таксис»¹ вновь привлекла внимание лингвистов к этой категории. А глава этой книги

1 Ссылки на эту работу даются по 2-му изд.: Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис.

«Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским)»² инициировала исследования по межъязыковому и типологическому описанию зависимого таксиса.

Исследование в типологической перспективе таксиса дагестанских языков актуально, на наш взгляд, для теоретической интерпретации большого сегмента их грамматических систем — глагольных клауз, в которых вершинами являются многочисленные нефинитные формы, обозначающие традиционно грамматическим ярлыком *деепричастие*.

Алломорфизм языковой интерпретации таксисных отношений

Удельный вес таксисных отношений в семантике предложения столь значителен, что от распределения их репрезентации между морфологическим и синтаксическим уров-

нями языка зависят особенности его синтаксического устройства, в частности наличие ~ отсутствие в языке системы сложноподчинённых предложений. Описание таксиса на материале лезгинского, даргинского, аварского языков демонстрирует, что в дагестанских языках таксисные отношения выражаются разветвлённой парадигмой морфологических единиц (около четырёх десятков конвербов адвербиальной, адъективной и субстантивной семантики), репрезентирующих в полипредикативных конструкциях сопряжённость зависимой и основной ситуаций. Это делает систему придаточных предложений для этих языков излишней. Трактовка полипредикативных конструкций дагестанских языков как сложных или простых предложений, как известно, остаётся дискутируемой. При решении этого вопроса, по-видимому, должно учитываться, что морфологическая категория таксиса и система придаточных предложений — это равноценные сегменты грамматической системы, и разные языки отдают предпочтение какому-либо одному из этих способов выражения таксисных отношений. Отсутствие в дагестанских языках синтаксической системы придаточных предложений компен-

2-е изд. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. Далее сокращённо: ТФГ, 2001.

2 Недялков В.П., Отаина Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // ТФГ, 2001. — С. 296-319.

сируется морфологической системой таксисных конвербов. Это одно из типологических свойств дагестанских языков, отличающее их синтаксис от синтаксиса языков типа русского или английского.

Характер грамматического оформления таксисных отношений в дагестанских языках даёт также эмпирические основания для коррекции некоторых обсуждаемых в литературе параметров категории таксиса. Так, функциональное единство парадигмы таксисных конвербов в дагестанских языках служит аргументом в пользу трактовки содержания таксиса как совокупности семантических признаков одновременности, разновременности и обусловленности, инвариантным для которых является признак *сопряжённости* компонентов в полипредикативном комплексе (ср. различное толкование содержания таксиса А.В. Бондарко и В.С. Храковским). Семантической основой, объединяющей все значения таксисных конвербов в дагестанских языках, является само отношение сопряжённости опорного и зависимого предикатов. Это отношение сродни семантике, объединяющей в единую категорию, например, значения падежей, выражающих разновидности синтаксического отношения

имени к другим словам высказывания. Семантическое единство временных отношений и отношений обусловленности подтверждается также случаями изоморфизма в их репрезентации, как при морфологическом, так и при синтаксическом таксисе в языке. Например, лезгинский конверб временной зависимости на *-ла* широко используется для обозначения условия. Аналогично ведёт русский союз *когда*: **Когда б имел я сто очей, то все бы сто на вас глядели** (А. Пушкин), – здесь *когда* равнозначно *если*. Ср.: лезг. (1) *Вуж хьуй ама лагьайди, вун* (2) *дахьайла* (Е.Э.) 'Кто же это сказал, когда (= если) не ты (досл.: (1) Кто (же) будь то сказавший, ты (2) не-стало-когда)'; англ. *How* (1) *can he buy it* (2) *when he has no money?* 'Как он (1) может это купить, (2) когда (= если) у него нет денег?'. Видимо, именно обобщённое значение сопряжённости зависимого действия с главным, выраженное аффиксами зависимых форм, имели в виду Л. Блумфилд, Б. Уорф и Р.О. Якобсон, предлагая для него синонимичные дефиниции *order, mode*, а также *taxis* – 'расположение в порядке'. Термин *таксис* охватывает все разновидности расположения в порядке.

Отношения в сложноподчинённых предложениях интерпретируются

как независимый таксис на том основании, что в придаточной части используется финитная форма глагола. При этом упускается из виду тот факт, что придаточное предложение имеет свою конструктивную основу, состоящую из финитного глагола и союзного слова, нейтрализующего эту финитность и выражающего грамматическое значение «придаточности» по отношению к основному предикату. Финитная глагольная форма в составе придаточного предложения не может интерпретироваться изолированно от конструкции как форма независимого таксиса. В отрыве от конструкции она таксиса не выражает – ни зависимого, ни независимого. Свидетельством этому служит также изосемность придаточной конструкции и деепричастия, синтетически оформляющего второплановость передаваемой пропозиции. Для языков типа дагестанских придаточные конструкции с финитными глагольными формами не характерны. В них второплановая пропозиция оформляется специальными таксисными конвербами, эквивалентными придаточным конструкциям. Ср.: дарг. *Илала гъай тамандихуб-мад* (< *таман-диху-б-мад*) *халкъ ур-габ бачабархни аклуб* ‘Его речь как только закончилась (**конец-статья-III**

кл. [AOP]-сразу), в народе возникло волнение’; лезг. *кхъенамазди* (кхъе- ‘писать’ -на- [AOP] -мазди ‘сразу’) и рус. соответствие *как только написал*. Т.е. зависимость может получать выражение в разных формальных средствах – морфемах или служебных словах. В дагестанских языках от финитной формы посредством аффикса образуются нефинитные таксисные конвербы, в русском языке аналогичную семантически целостную единицу образует сочетание финитного глагола с союзными словами. Сравнение форм выражения таксисных отношений в разных языках показывает, что системы таксисных конвербов и придаточных предложений являются алломорфными способами языковой концептуализации универсальных семантических признаков. Соотношение морфологии и синтаксиса в их оформлении в дагестанских языках и языках типа русского или английского асимметрично.

Различие между зависимым и независимым таксисом трактуется А.В. Бондарко следующим образом. *Зависимый таксис* – это временное отношение между действиями, одно из которых является основным, а второе – второстепенным (или сопутствующим). При *независимом такси-*

се между действиями, находящимися в таксисных отношениях, отсутствует формально выраженная градация на основное и второстепенное. Ср. примеры: 1) *Войдя в комнату, С. сразу же зажжёт свет* – зависимый таксис; 2) *С. вошёл в комнату и сразу же зажжёт свет* или *Когда С. вошёл в комнату, он сразу же зажжёт свет* – независимый таксис. Термины *зависимый* и *независимый таксис*, как пишет А.В. Бондарко, не следует понимать в смысле наличия ~ отсутствия зависимости между членами таксисного отношения. Между действиями в целостном полипредикативном комплексе всегда имеется та или иная степень содержательной и структурной зависимости. В том числе, в предложениях с придаточными времени, условия, причины и др., а также конструкциях сочинительного типа. «Различия между зависимым и независимым таксисом заключается в другом: в первом случае представлена зависимость второстепенного предиката от основного, что находит выражение в отсутствии у второстепенного предиката собственной самостоятельной (абсолютной) временной отнесённости (ср. относительное время деепричастий), во втором случае такой зависимости нет, поскольку <...> каждый предикат имеет

самостоятельную (независимую) временную отнесённость»³. Отсутствие собственного временного значения служит одним из критериев отнесения деепричастий, например, русского языка, к формам зависимого таксиса. Таксисные конвербы дагестанских языков (лезг., дарг., авар. и др.) могут образоваться от финитных временных форм, т.е. содержать собственные темпоральные характеристики. Ср. в лезг.: *Марф къванвайвили* (// *къвазвайвили*), *чун кIвале акъвазна* ‘Из-за того, что **прошёл** (// **шёл**) дождь, мы **остались** дома’ (морфемный состав зависимых предикатов: *къва-на* (аор.) > *къван(а)-ва* (перф.) > *къванва-й* (плюсквамперф.) > *къванвай-вили* ‘(дождь) **прошёл-было-из-за-того**’; *къваз-ва* (през.) > *къвазва-й* (имперф.) > *къвазвай-вили* ‘**шёл-было-из-за-того**’). Т.е. лезгинские конвербы имеют свою временную отнесённость.

В интерпретации В.П. Недялкова и Т.А. Отаиной⁴ разграничение зависимого и независимого таксиса применительно к деепричастному

3 Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // ТФГ, 2001. – С. 234-242.

4 Недялков В.П., Отаина Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // ТФГ, 2001. – С. 296-319.

нивхскому языку представлено как противопоставление *конечных* (*финитных*) и *неконечных* (*деепричастных*) форм. Финитные формы способны выступать в позиции единственного сказуемого простого предложения, деепричастия – не могут. Аналогичным образом не могут выступать в роли единственного сказуемого простого предложения таксисные конвербы лезгинского языка. Хотя в отличие от нивхского и русского деепричастий обсуждаемые единицы лезгинского языка могут иметь формы времени, они, тем не менее, всегда предполагают наличие другой, финитной или тоже таксисной, формы глагола, с которой сопряжена данная форма. Всё это даёт основание считать, что для разграничения зависимого и независимого таксиса критерий наличия у конвербов (или деепричастий) собственного временного значения вряд ли приемлем.

В русском языке практически отсутствует морфологическое выражение таксиса. Единицами, специализированными на функциях зависимого таксиса, традиционно считаются деепричастия совершенного и несовершенного видов (СВ, НСВ). Но одновременность и предшествование выражаются ими при помощи не-

словоизменительной категории вида, граммом НСВ и СВ. Т.е., эти значения выступают как использование граммом морфологической категории вида в несобственных функциях⁵. Возможности русских деепричастий в выражении таксисных отношений весьма ограничены. Они способны выражать лишь значения однореферентного зависимого таксиса. А вот сложноподчинённые предложения русского языка способны выражать как однореферентный, так и разнореферентный или безразличнореферентный зависимый таксис. Они и являются, на наш взгляд, специализированным средством выражения зависимого таксиса в русском языке. Однако предикат в их придаточной части традиционно трактуется как форма независимого таксиса.

Неубедительность интерпретации придаточной конструкции как независимой единицы вроде бы была в последние годы замечена. Например, В.С. Храковский в статье, посвящённой общей характеристике таксиса, пишет относительно примера *Когда С. вошёл в комнату, он сразу же зажёг свет*, интерпретируемого А.В. Бондарко как независимый таксис: «Что

5 Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – С. 63.

касается конструкций типа (6), то они по существу являются конструкциями зависимого таксиса. <...> Финитный глагол СВ в зависимой части (далее – ЗЧ) предложения вместе с союзом, вводящим эту ЗЧ, одновременно выступает как неспециализированная таксисная форма ...»⁶. В защищённой позже докторской диссертации Н.В. Семёновой «Категория таксиса в современном русском языке»⁷ глагол зависимой части сложноподчинённого предложения интерпретируется в отрыве от самой придаточной конструкции как форма независимого таксиса. Неубедительность такой трактовки особенно наглядна на фоне языков с морфологическим таксисом.

Сравнение форм выражения категории таксиса в русском и лезгинском языках показывает, что системы таксисных конвербов лезгинского языка и придаточных предложений русского языка являются алломорфными способами языкового выражения таксисных значений. Соотношение морфологии и синтаксиса в их оформ-

лении в этих языках асимметрично: в русском отсутствует система таксисных конвербов и соответствующие функции выполняют придаточные предложения, а в лезгинском языке отсутствует аналогичная система придаточных предложений и эту лауну восполняют конвербы, выражающие все разновидности таксисных отношений, выражаемых русскими придаточными предложениями. Последние подразделяются на значения причины, цели, условия, уступки и др., а также временной обусловленности. Ниже высказанный тезис аргументируется на примерах оформления отношений временной обусловленности в русском и лезгинском языках.

Отношение временной обусловленности заключается в том, что реальное время осуществления основного действия ориентировано относительно времени второстепенного действия: *Войдя в комнату, гость снял шляпу*. Такая обусловленность эксплицитно выражена в соотносительном сложноподчинённом предложении с придаточным времени: *Когда гость вошёл в комнату, он снял шляпу*⁸. Наличие временной обуслов-

6 Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. № 2, 2003. – С. 37.

7 Семёнова Н.В. Категория таксиса в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 394 с.

8 Акимова Т.Г., Козинцева Н.А. Аспектуально-таксисные ситуации // ТФГ, 2001. – С. 267.

ленности в конструкциях с деепричастиями СВ и НСВ подтверждается именно такой их соотносительностью с придаточными предложениями времени с союзами *когда*, *пока* и др. Деепричастие в таких конструкциях чаще препозитивно, а обозначаемое им второстепенное действие является исходным элементом коммуникативной структуры предложения: *Рассматривая могилы на кладбище, наткнулся я на почерневшую четырёхугольную урну со следующими надписями...* (И. Тургенев).

Рассмотрим разновидности отношений временной обусловленности на предмет возможности их оформления соотносительными конструкциями с деепричастием и с придаточным предложением в русском и лезгинском языках.

При отношениях одновременности основное действие (процесс или целостный факт) совершается во время протекания зависимого процесса:

Засыная, Сваакер думал о неожиданном появлении книжки...
(К. Федин).

Вполне естественной и в равной мере употребительной для обозначения той же ситуации в русском языке является соотносительное при-

даточное предложение времени: *Когда засыпал, ... думал....* Ср. лезг.:

(1) *Рагъ (1)экъечIзавайла тIебиатдални (2)чан къвезвай* (Н.А.) 'С восходом солнца и природа оживала (досл.: Солнце (1)выходило-когда на-природу-тоже (2)оживление находило)'. Здесь возможен вариант: *Рагъ (1)экъечIзавай вахтунда тIебиатдални (2)чан къвезвай* – досл.: 'Солнце (1)выходило-в-которое время на-природу-тоже (2)оживление находило'. В этом варианте зависимый предикат *экъечIзавай* 'выходило-(в-которое)' является нефинитной, причастной формой. Правда, он омонимичен прошедшему НСВ *экъечIзавай* 'выходило', но наличие определяемого *вахтунда* '(в-то)-время' производит синтаксическую деривацию, адъективирует эту морфологическую единицу. Для лезгинского языка это характерное явление. Такие единицы по этой причине иногда называют *совмещающими причастиями* (совмещающими функции причастия и финитной формы). В нашей работе 2002 года⁹ было показано, что и в роли причастия, и в роли временной формы эти единицы являются эксплицитно или

9 Керимов К.Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. – Махачкала, 2002. – С. 58-113.

имплицитно обусловленными опорным предикатом. В рассматриваемом высказывании опущение определяемого слова *вахтунда* '(в-то)-время' превращает конструкцию в сочинительную: *Рагъ (1)экъечIзавай, тIебиатдални (2)чан къвезвай* 'Солнце (1) **выходило**, на-природу-тоже (2)**оживление находило** (тогда, в то время, о котором идёт речь)'. Вся ситуация целиком обусловлена другой ситуацией, с которой данную ситуацию соотносит аффикс -й в обоих предикатах. Но между собой отношения у глагольных форм равноправные. Рассмотрим ещё примеры, но уже без такого подробного комментария:

(2) *(1)Ахварал физвайла, за пака авуна кIанзавай кIвалахрикай (2)фикирзавай* (У.) '(1)Когда засыпал (// засыпая), я (2)думал о делах, которые надо сделать завтра'. Здесь тоже, как видим, русский язык допускает соотносительные конструкции с деепричастием и с придаточным предложением;

(3) *Зун (1)ахварал физвайла, абур гъеле телевизордиз (2)килигзамай* (У.) 'Я (1)засыпал когда (*засыпая), они ещё (2)смотрели телевизор'. В русском языке соотносительные деепричастный оборот и придаточное предложение возможны в том случае,

когда предикаты однореферентны (примеры 1, 2). В данном примере у сказуемого (2) и зависимого предиката (1) разные субъекты. В лезгинском языке и в этом случае используется тот же зависимый конверб, что и в высказываниях (1) и (2). В них представлен односубъектный таксис, поэтому его можно перевести на русский язык и с употреблением деепричастия. В примере (3) разносубъектный таксис, т.е. действия основного и зависимого предикатов референтны разным субъектам. Использование деепричастия для его перевода невозможно. Сравним ещё примеры:

– *Куда идём? – спросил Долинин, усаживаясь в машину* (Г. Глазов). Допустимо и ...*спросил, когда усаживался...*;

(4) *Столдихъ (1)ацукъзавайла, ада кылелай бармак (2)алудна* (У.) '(1)Когда сядился (// сядясь) за стол, он (2)снял с головы папаху'; ср.: *Зун (1)ацукъзавайла, ада столдай (2)некэкъяйна* 'Я (1)садился когда (*сядясь), она (2)вытерла передо мной стол';

...я, *болея ангиной, лежал на нарах, покрытых соломой* (В. Катаев), допустимо и ...*когда болел, лежал...*;

(5) *(1)Хумаяр кваз, зун кIвале (2)къатканавай* (У.) '(1)Болея грип-

пом (*// когда болел гриппом*), я (2)**лежал** дома’.

В приводимых русских примерах деепричастия референтны тому же субъекту, что и сказуемое. Это свойство русских деепричастий. Соответствующие им конвербы лезгинского языка могут иметь как общий со сказуемым субъект, так и различный.

В последнем примере, (5), в роли зависимого предиката использована деепричастная форма на -з, которую можно заменить и конвербом на -ла (*хумаяр квайла* ‘когда болел гриппом // *болея гриппом*’). В примерах (3), (4) деепричастие на -з вместо формы на -ла невозможно. Зависимое действие-процесс обозначается в лезгинском языке формами НСВ (показатель – аффикс -з-). Если в роли зависимого предиката в таких конструкциях используется нехарактеризованная видовым значением форма конверба, то она обозначает не процесс, а факт одновременный сказуемому. Ср.:

(6) *Пакад юкьуз (1)хьфидайла, ам зун рекье хураз (2)атана* (Г.М.) ‘На следующий день, когда уезжал, он пришёл меня провожать (досл.: Завтрашний в-день (1)**уезжал-когда**, он меня в-дорогу отправить (2)**пришёл**’.

И в этом примере зависимый предикат выражен нефинитной гла-

гольной формой, синтаксический статус которой аналогичен статусу деепричастий русского языка. Т.е. эти конвербы не могут быть, как и русские деепричастия, главным сказуемым, независимо от того, разный у них субъект с основным предикатом или один и тот же. Лезгинские конвербы не имеют ограничений, накладываемых параметром референтности на возможность употребления деепричастий в русском языке. В русском языке универсальным средством оформления таксисных отношений, сопоставимым с таксисными конвербами лезгинского языка, являются придаточные предложения.

При отношениях разновременности основное целостное действие осуществляется после второстепенного, также целостного. Выражается последовательность действий при временной обусловленности основного действия второстепенным:

Оставшись одна, она с трудом дотащи́лась до своей кровати (И. Тургенев). В русском языке возможно и соотносительное придаточное предложение: ...*когда осталась одна, ...с трудом дотащи́лась*.... Ср. лезг.:

(7) *Садди (1)амукьайла* (*// амукьна*), *ам лап (2)кыляй акьатна*

(У.) 'Один (1)**остался** когда (// **оставшись**), он совсем (2)**обнаглел**';

(8) *Пуд йисуз шегьерда (1)акъ-вазна ам дустаривай (2)къакъатна* (С.) 'Проведя три года в городе, он от друзей отдалился (досл.: Три года в-городе (1)**остался** (// **остался** **когда**) он от-друзей (2)**отдалился**)';

(9) *Цав (1)алахъайла абурузни заз хъиз гзаф (2)шад хъанвай* (А.Ф.) 'Небо (1)**прояснилось** когда, они тоже, как и я, очень (2)**обрадовались**';

(10) *Чна зегъмет чIугур никIер чи (1)гъилик хъайила, зун ва зи звенодин членар гзаф (2)шад хъана* (К.К.) 'Нами возделанные поля за нами (1)**закрепили** когда, я и члены моего звена очень (2)**обрадовались**';

Жена его, пожив с ним несколько лет, уехала тайком в Москву... (И. Тургенев) [Основное действие совершается по истечении времени, занятого второстепенным действием]. Такое соотношение действий в лезгинском языке естественнее выразить с использованием аориста, т.е. финитной формы, для обозначения второстепенного предиката.

(11) *Джигъил вахтар Москвай-ра (1)акъудна* (аор.), *гила (2)къуьзуь хъайила* (конв.) (// *хъана* (аор.)) *хуьруьз (3)хтанва* (У.) 'Молодые годы в Москве (1) **провёл** (// **проведя**), те-

перь, (2)постарел когда (// *постарев*), *в село (3)вернулся*';

(12) *Малар хъсандаказ (1)хвена* (аор.) *къегъалвилин тIвар (2)къачуна* (аор.) (Х.Т.) 'Получил почётное звание за хороший уход за скотом (досл.: Скотину хорошо (1) **выходил** (// **выходив**), почётное звание (2)**получил**)';

Проснувшись, он захотел квасу... (А. Платонов) [Основное действие обусловлено второстепенным с точки зрения изменившегося состояния субъекта]. Можно: ...*когда проснулся, захотел* квасу. Ср. лезг.:

(13) *(1)Ксана* (аор.) *зи кефи (2)чIур хъана* (аор.) (С.) 'От сна моё самочувствие испортилось (досл.: (1) **Поспал** моё самочувствие (2)**испорченным** стало)';

(14) *(1)Ахварай аватайла* (конв.) *заз яд (2)кIан хъана* (У.) '(1) **Проснулся** когда (// *проснувшись*), я воды (2)**захотел**'.

Рассматриваемые ситуации могут быть осложнены значением повторяемости, т.е. временной нелокализованностью:

Проснувшись, он на час залезал в холодную ванну, после чего шел в молельню... (И. Друцэ). Можно: *Когда просыпался, залезал...*;

(15) *(1)Къарагъайла* (// *къарагъна*) *ада сифте чай (2)хъвада* (//

хъвадайди я (У.) '(1)**Встанет** когда (/ **встав**), он сначала чай (2)**пьёт** (/ **пьёт обычно**, досл.: **пьёт-который есть**)'.

Основным средством выражения предшествующего второстепенного действия в лезгинском языке является конверб СВ с аффиксом *-ла* (причастие СВ + *ла*; *качур-ла* 'когда купил (поморфемно: купивши / куплено-когда)'). Но иногда для этого может использоваться и форма аориста, как в примерах (11) – (13). Конверб на *-ла* и аорист могут заменять друг друга при односубъектности основного и второстепенного действий, (7). Этим же обусловлена и возможность перевода зависимого предиката русским деепричастием СВ. При переводе примеров типа (11), (12) на русский язык с использованием деепричастий создаётся впечатление, что и в лезгинском языке эта форма является деепричастием. Но это не так. Например, предложение (9) может иметь вариант *Цав (1)алахъна* (аор.), *абурузни заз хъиз гзаф (2)шад хъанвай* 'Небо (1)**прояснилось**, они тоже, как и я, очень (2)**обрадовались**'. Здесь русское деепричастие уже никак не используешь для перевода. Здесь бессознательное соединение. Причинная обусловленность главного действия (*шад хъанвай* 'об-

радовались') зависимым (*алахъна* 'прояснилось') формально в лезгинском языке, при употреблении формы аориста, никак не обозначена. Можно трактовать такой случай как синтаксическую деривацию: в препозиции к опорному предикату форма на *-на* становится деепричастием и обозначает зависимое действие. Это подтверждается возможностью её замены нефинитным конвербом *алахъайла* 'когда прояснилось'. В русском языке при разносубъектности предикатов замена деепричастием финитной формы придаточного предложения невозможна. Ср.: *Когда небо прояснилось, они тоже, как и я, очень обрадовались*, но **Небо прояснившись, они тоже, как и я, очень обрадовались*;

«А это не блеф?» – *возвращая очередной журнал, спрашивал Кузьмин* (Л. Хахалин). Ср. лезг.:

(16) *Нехир (1)хкведайла, хуьруьн куьчейра ван (2)гъатдай* (У.) 'Стадо (1)**возвращалось** когда, улицы села шумом (2)**наполнялись**'.

И в данном случае оборот с конвербом *хкведайла* 'когда возвращалось' в лезгинском языке невозможно заменить конструкцией с финитной глагольной формой. А в русском языке такую ситуацию – с разносубъектными предикатами – только и можно

передать конструкцией с придаточным предложением с финитной глагольной формой.

Аффикс *-ла*, образующий зависимые конвербы лезгинского глагола, функционально идентичен русскому союзу *когда*. Он сопрягает основное и второстепенное действия как происходящие в общем периоде времени и находящиеся в отношениях временной обусловленности. Конверб на *-ла* лезгинского языка является специализированным средством выражения зависимого предиката. Он используется для обозначения второстепенного действия и в простом предложении. Финитные формы в гипотаксисе с содержанием обусловленности (временной, условной, причинной и др.) в лезгинском языке не используются. Подчинение в нём оформляется морфологическими средствами, и подчинительные конструкции типа русских придаточных предложений оказываются ненужными. Единственный случай, когда для этого используется финитная форма, трактуемая одновременно и как деепричастие СВ, больше напоминает паратаксис, и отношения зависимости одного предиката от другого в таких конструкциях формально никак не выражены.

(17) *Бригададин са паюни столбар (1)акIурзавайла, муькуь паюнини*

симер (2)чIугвазвай (И.А.) 'В то время когда часть бригады (1)**устанавливала** столбы, другая часть (2)**натягивала** на них проволоку (досл.: Бригады одна часть столбы (1)**втыкала-когда**, другая часть проволоки (2)**натягивала**)'.

Как видно из примера, зависимому таксису лезгинского языка (*акIурзавай-ла* 'втыкала-когда' – конверб, не способный быть самостоятельным сказуемым) соответствует придаточное предложение, предикат которого трактуется обычно как форма независимого таксиса. При этом субъект зависимой формы в лезгинском примере не совпадает с субъектом главного сказуемого, что невозможно для форм зависимого таксиса (деепричастий) русского языка. Такое же соотношение зависимого и главного предикатов и в следующем примере с конвербом условно-временного значения на *-mIa*:

(18) *Са паюни (1)пер ягъизвай-mIa, муькуьбуру фитер (2)тухузвай, лакар (3)туькIуьрзавай* (Н.А.) 'Одна часть (1)**копала если** (= когда), другие навоз (2)**носили**, грядки (3)**формировали**'.

В этих примерах зависимая таксисная форма образована присоединением специальных аффиксов (*-ла*,

-*mla*) к финитной глагольной форме НСВ прош. вр.

...пока он торопливо **семенил** по двору, его **одолевали** великие страшные мысли... (Б. Окуджава);

В русском языке предикат придаточного предложения (типа **семенил** в примере выше) трактуется как форма независимого таксиса на том основании, что это – финитная личная форма, способная быть самостоятельным сказуемым. Но при этом не учитывается то обстоятельство, что таксисное значение такая форма выражает именно в сочетании с союзными словами в составе зависимого придаточного предложения. Т.е. таксисом является именно конструктивная основа придаточного предложения (...пока... **семенил**...). Изъятую из этой конструкции форму **семенил** нет оснований считать и таксисом, ни зависимым, ни независимым. Единица таксисного содержания в данном случае является аналитической и зависимой от основного сказуемого. Возможность такой трактовки подтверждается тем фактом, что аналогичное значение в др. языках выражается синтетической зависимой глагольной формой. Ср., например: *Пока идёт дождь, не выходи!* – *Марф къвазмаз, экъеч!мир!* Здесь *къвазмаз* (< *къваз* ‘идти / идя (о

дожде, снеге и т.п.)’ + *амаз* ‘продолжая иметь место, иметься’) ‘пока идёт’.

По мере того, как историк рисовал кистью художника фигуру Степана Тимофеевича, ... Коновалов перерождался... (М. Горький);

Чем больше он погружался в свои противные минусы, тем тяжелее становилось чувство обиды (А. Чехов).

(19) (1)*Яб гурдавай мад ваз* (2)*яб гуз клан жеда* (Т.Б.) ‘(1)Чем больше слушаешь, тем больше (2)хочется тебя слушать’;

(20) (1)*Ч!ехи жедадавай гена-ни вичин бубадиз* (2)*ухшар жезва* (У.) ‘По мере того как взрослеет (досл.: (1)взрослым становясь-с-тем), всё больше на своего отца (2)похожим становится’;

(21) (1)*Хъвадайдавай мадни* (2)*клан жеда чи булахрин яд* (У.) ‘(1)По мере того как пьёшь (// чем больше пьёшь), ещё (2)хочется нашей родниковой воды’.

И в этом случае финитные формы глагола в составе придаточного предложения русского языка (*рисовал, погружался*) трактуются как формы независимого таксиса. В лезгинском языке конструкции русского предложения, состоящей из глагола и союзных слов, соответствует, как вид-

но из примеров, одна глагольная форма, синтетически выражающая те же таксисные отношения.

*Однажды, когда я учился в школе, мы всем классом **работали** на приморском пустыре...* (Ф. Искандер).

(22) *ЦIуд лагъай классда (1)кIелзавайла, са къуз чун, тарсарай катна, школадин къулухъ хъикъебарал (2)къугъвазвай* (У.) 'В десятом классе (1)учились когда, в один день мы, сбежав с уроков, за школой в альчики (2)играли'.

В русском и лезгинском примерах время основного действия (*работали, играли*) включено во время протекания второстепенного. Но в русском языке таксисное значение одновременности глагол выражает лишь вместе с союзным словом (*когда учился*), а в лезгинском языке синтетической глагольной формой (*кIелзавайла* 'когда учились').

Когда он выходил из дому, ещё таял месяц в небе, тоненький – как от надреза ножичком (Л. Леонов).

Здесь, напротив, время зависимого действия (*когда выходил*) включается во время протекания основного действия (*ещё таял*). Аналогичный лезгинский пример:

(23) *Зун кIваляй (1)экъечIдайла, марф (2)къвазмай* (У.) 'Когда я (1)выходил из дому, дождь (2)ещё шёл'.

Заключение

Глагольная форма в придаточном предложении русского языка выражает таксисное отношение именно в составе структурно-семантического целого, состоящего из спрягаемого глагола и союзного слова. И как таксисная единица она должна рассматриваться именно в целостном виде, как аналитическое выражение соответствующего таксисного отношения. В лезгинском языке те же таксисные отношения, как видно из примеров, выражаются зависимыми конвербами, образуемыми при помощи аффикса *-ла*, функционально равнозначного русскому союзу *когда*. Т.е. зависимый таксисный конверб лезгинского языка с аффиксом *-ла* и русские конструкции *когда + финитная форма индикатива* в соответствующих русских примерах изоморфны относительно идентичного в двух языках значения. Лезгинский конверб синтетически выражает действие и его отношение к другому, основному действию, составляя структурно целостную грамматическую единицу. В русском языке те же семантические элементы распределены между финитной глагольной формой и служебной единицей – союзом *когда*. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с обычным соотношением синтетизма (в

лезгинском языке) и аналитизма (в русском языке) в выражении идентичного грамматического значения, в данном случае таксисного.

Изложенные соображения, на наш взгляд, дают основание интерпретировать придаточные предложения русского языка как форму выражения зависимого таксиса. Конструкции придаточных предложений следует целиком (как они и рассматриваются в «Русской грамматике»¹⁰ в качестве придаточных предложений времени и др.) рассматривать как зависимый таксис, выраженный аналитически. Ср.: рус. *Когда я был гимназистом*, ... и лезг. *Зун гимназист тирла...*; *тирла* = *был-когда*).

Библиография

1. Акимова Т. Г., Козинцева Н. А. Аспектуально-таксисные ситуации // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 256-273.
2. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.
3. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 234-242.
4. Керимов К.Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. – Махачкала, 2002. – 266 с.
5. Недялков В.П., Отаина Т.А. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) // Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 296-319.
6. Русская грамматика. Т. II. – М.: Наука, 1980. – 714 с.
7. Семенова Н.В. Категория таксиса в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Великий Новгород, 2004. – 394 с.
8. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. 2-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 348 с.
9. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. № 2, 2003. – С. 32-54.

¹⁰ Русская грамматика. Т. II. – М.: Наука, 1980. – С. 539–615.

On correlation between morphology and syntax in representation of taxis relations

Kerimov Kerim Ramazanovich

Full Doctor of Philology, Professor,
Theoretical and Applied Linguistics Department,
Dagestan State University,
P.O. Box 367000, Gadzhieva st., 43-a, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia;
e-mail: kerimk@mail.ru

Abstract

The subjects of the article are the parameters of category of taxis in the Lezghin language taken in typological aspect. So called wide definition of semantics of taxis is based on the comparison of taxis constructions, which comprises features of tense and cause. Such an explanation will not seem asymmetric, as the quality of correlation between the dependent and independent predicates is used as invariant to taxis, and it can get allomorphic linguistic interpretation. Languages prefer syntactic (as in Russian) or morphologic (as in Lezghin) way of representation of dependent situation in poly-predicative constructions. This influences presence or absence of the system of subordinate clauses, much like in Russian, in the language. When we deal with morphologic taxis, relations of correlation ("subordination") expressed in Russian by syntactic constructions, are expressed by the paradigm of non-finite forms of the verb. These non-finite forms can express all the relations between the main and dependent predicates, expressed by constructive bases of complex sentences in Russian. Such a correlation between the languages gives reasons to review criteria of dependent and independent taxis in Russian. A subordinate clause is interpreted as the form of dependent taxis, since finiteness of its predicate disappears due to conjunctions initiating a finite verbal form. The results of the research are of great interest for typology of grammar categories, as well as for development of theoretic and educational grammar-books of the Lezghin and other languages.

Keywords

Taxis, typology, semantic invariant, allomorphy.

References

1. Akimova, T.G., Kozintseva, N.A. (2001), "Aspect-taxis situations" ["Aspektual'no-taksisnye situatsii"], in Bondarko, A.V. *Theory of functional grammar: Introduction, aspect, tense localization, taxis* [Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis], 2-nd ed., Editorial URSS, Moscow, pp. 256-273.
2. Bondarko, A.V. (1971), *Grammar category and the context* [Grammaticheskaya kategoriya i kontekst], Nauka, Leningrad, 115 p.
3. Bondarko, A.V. (2001), "General characteristics of the semantics and structure of the field of taxis" ["Obshchaya kharakteristika semantiki i struktury polya taksisa"], in Bondarko, A.V. *Theory of functional grammar: Introduction, aspect, tense localization, taxis* [Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis], 2-nd ed., Editorial URSS, Moscow, pp. 234-242.
4. Kerimov, K.R. (2002), *Contrastive aspectology of the Lezghin and Russian languages* [Kontrastivnaya aspektologiya lezghinskogo i russkogo yazykov], Makhachkala, 266 p.
5. Khrakovsky, V.S. (2003), "Category of taxis (general characteristics)" ["Kategoriya taksisa (obshchaya kharakteristika)"], *Voprosy yazykoznaniiya*, № 2, p. 32-54.
6. Nedialkov, V.P., Otaina, T.A. "Typological and comparative aspects of analyses of the dependent taxis (on the basis of Nivkh language in comparison with Russian)" ["Tipologicheskie i sopostavitel'nye aspekty analiza zavisimogo taksisa (na materiale nivkhsnogo yazyka v sopostavlenii s russkim)"], in Bondarko, A.V. *Theory of functional grammar: Introduction, aspect, tense localization, taxis* [Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis], 2-nd ed., Editorial URSS, Moscow, pp. 296-319.
7. *The grammar of the Russian language* [Russkaya grammatika] (1980), vol. 2, Nauka, Moscow, 714 p.
8. *The theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis. 2nd ed.* [Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis. 2-e izd.], Editorial URSS, Moscow, 2001, 348 p.
9. Semionova, N.V. (2004), *Category of taxis in modern Russian* [Kategoriya taksisa v sovremennom russkom yazyke], Doctor of Philology dissertation, Velikii Novgorod, 394 p.